

Ясмина Сапфир

A man and a woman in steampunk attire. The man, on the left, has brown hair and is wearing a blue leather jacket with gold buttons. The woman, on the right, has red hair and is wearing a brown leather jacket over a white corset. They are both looking towards the left. The background is a blurred steampunk city scene with gears and pipes.

Охотница и Чудовище

Ясмина Сапфир

Охотница и чудовище

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67256474

SelfPub; 2018

Аннотация

Он – существо из параллельного мира, что питается гормонами страсти и уникальной аурой индиго. Голод для него – верная смерть, страшная и неизбежная. Любовь – тяжелое испытание. Она – охотница на таких чудовищ. Любовь для нее – боль утраты, невозможное и немыслимое счастье. Их объединили кровавые убийства, а еще чувство... Вот только какое?

Содержание

Глава 1. Мейзамир	4
***Еслена	17
Глава 2. Еслена	34
*** Мейзамир	48
Глава 3. Еслена	59
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Ясмина Сапфир

Охотница и чудовище

Глава 1. Мейзамир

Чего она хочет, я знал, как свои пять пальцев. Женщины настолько просто устроены! Погладь ее тут, почеси там, и бери ее тепленькую, питайся в свое удовольствие...

Наблюдай, как дрожь наслаждения превращается в озноб агонии.

И пока стекленеют широко раскрытые в изумлении глаза, дегустируй, смакуй медово-горький привкус чужой страсти.

Чернобровая томно проронила:

– Сейчас буду, – бросила на постель взгляд с поволокой желания и скользнула в ванную.

Простыни VIP-номера – голубые, с огромными рыжими лилиями, хрустели чистотой. Их мятный аромат тонул в при-
тно-сладком мареве духов.

Я сел на кровать, сбросил шелковую рубашку, и отшвырнул ее в угол.

Стянул ботинки. Брюки снимать не стал – еще успеется. Заводиться мне не требуется. Мучительный голод делает с телом то, что вожделение – с человеческой плотью.

За все свои века я не встретил еще ту, единственную, что

подменила бы мой голод истинным желанием.

Чернобровая выскочила из ванной в одном пеньюаре – тонком, как рассветная дымка. Шоколадного цвета волосы разметались по плечам – острые углы удлиненного каре скрадывали излишнюю округлость щек.

Я с улыбкой похлопал по кровати, глядя в лихорадочно сверкающие глаза жертвы – темно-коричневые, как поздние сумерки.

Я прекрасно знал, что она сейчас видит. Совершенное мужское тело, шикарные волосы, идеальное лицо – тяжело-ватая челюсть и высокий лоб придают ему мужественности. Ярко-голубые глаза, что так восхищают землянок. Мое тело – смертельное оружие. Таких как я человеческие женщины видят лишь в кино, в виртуальных каталогах, на мелованных страницах глянцевого журналов. И большинство из них – предметы хвастовства пластических хирургов и фотошоперов.

Я – настоящий. Моя кожа горяча, а губы – мягки. Я рожден соблазнять, и наблюдать, как угасают женщины в моих объятиях.

Как же я обрадовался, когда среди людей появились индиго! Сверхлюди, что не умирают после моей трапезы и, очень кстати, теряют память.

Мерзко скребли на душе кошки, когда оставлял за собой вереницу мертвых тел. Женщин, достаточно юных, чтобы породить зарю новой жизни, достаточно прекрасных, чтобы

выбрать для этого достойного мужчину, породистого самца. Я жалел их, как жалел роскошные воздушные корабли, что ежегодно приносили в жертву богам.

Им бы плавать меж облаков, переносить рирров с одного конца света на другой. Им бы со свистом пронзать воздушные потоки, разрезая их напополам.

А они горят, и пеплом уносятся во славу богов.

Я радовался, что все чаще встречаю индиго, и жертвы выживают, дав и мне не погибнуть. Остальные удовольствия шли бонусом.

Мне по нутру их гладкая кожа, прохладная и нежная, почти нечеловеческая. Их юные тела, о которых старухи-ровестницы не смеют и мечтать. И то, что пить из них можно не только химию желания, оргазма, но еще и энергию.

Индиго редки, но кто ищет, тот найдет непременно. Женщины, что пережили мужей, детей, внуков и правнуков не затеряются в толпе. След многих утрат на их лицах не стирается даже светом улыбки. Они смотрят вокруг, не видя красоты мира, не обращая внимания на мужчин.

Но и в них, очень глубоко, затертая страхом утрат и смертей, живет неистребимая жажда человеческого тепла, заботы и понимания. Надежды вновь ощутить себя живыми.

Чернобровая – одна из таких. И я предвкушал сладость ее настоящего на одиночестве возбуждения, горчинку ее скорби по любви. Незабываемый вкус энергии индиго.

Под серебром пенюяра просвечивало белье – простое,

хлопковое.

Жертва подошла – уверенно, спокойно и плавно. Не виляя всем подряд, как пьяные от вожделения девицы – их в заведениях города как селедок в бочке.

Неспешно легла на постель, выгнулась кошкой и кивнула.

Я снял пеньюар, белье, освободив мягкие, но упругие холмы груди, чуть округлый, подтянутый живот. Все, как и ожидал.

Провел рукой по молодому женскому телу – медленно, едва касаясь, но временами с нажимом. Туманные от вожделения глаза жертвы – вот и весь результат моих стараний. Ей не нужен был любовник, изощренные ласки, о которых мы с сородичами начитались в женских романах. Рирры давились от хохота, кривились от глупости, но глотали их как колючие кактусы. Чтобы потом показать жертвам то, о чем они мечтали, о чем не смели шептаться даже с близкими подружками, даже с мужьями и любовниками. Мы слишком заинтересованы в желании женщины – ее настоящей, сильной, страсти и похоти.

Чем больше наслаждения, восторга получает жертва от секса, тем сытнее мой ужин. С этой индиго все было несколько иначе. Она хотела лишь сбросить гормоны, освободить тело от гнета желания.

Я стиснул груди, приласкал соски и захватил один губами. Чернобровая не стонала, не смотрела с пораженным восхищением на то, как тщательно изображал я героя-любовника.

Лишь чуть больше выгнулась под моими руками дугой и тяжело вздохнула.

Она хотела не меня – мужчину, что на одну жалкую ночь излечит сиротливое одиночество тела и души. А вот именно этого я дать ей не мог.

Я втянул губами второй сосок, разогревая ее и понимая, что тело в моих руках отвечает лишь инстинктами. Я словно нажимал на клавиатуру – и получал нужные слова. Она не хотела меня, как скороспелая нимфетка, что со стеснительной жадностью ищет любви. Не изнывала, как зрелая холостячка, чье тело ломает без мужской ласки. Она обошлась бы имитатором, но с теплым красавчиком приятней избавляться от излишка гормонов.

Мы нашли друг друга.

Голод обжег горло, на небе расправилась и зудела «губка» – тот самый орган, что процеживал и забирал гормоны из крови. Как всегда – привычное, неизбежное зло.

Тело вмиг пришло в боевую готовность. Я разделся, прижавшись, чтобы чернобровая увидела предмет гордости любого рирра. Половой орган – твердый, горячий, большой. Ровный и правильный, как на картинке.

Чернобровая смотрела искоса, без энтузиазма, но приоткрыла губы. Я впился в них поцелуем, лаская так, как лучшие фантазии-мужчины из женских романов. Жертва прильнула ко мне – ее прохлада была приятна, желанна.

Я устроился между ее ног и ритмично задвигался. Вхо-

дил глубоко, задерживался, чуть двигаясь, почти выскакивал. Делал несколько поверхностных толчков и снова «погружался до самого дна».

Я знал технику. Орган налился сильнее, потяжелел, задрожал... Но нестерпимым было не желание оргазма. Голод, вот что подгоняло меня, заставляя ускорять танец бедер.

Словно кошка когтями саданула горло.

Вовремя – дыхание чернобровой зачастило, она наконец-то, будто выйдя из ступора, задвигалась, нагоняя жар в мой орган.

Я вбивался в нее все быстрее и быстрее... Жажда резанула глотку ножами, орган окаменел, налился до предела, и я впился иглами губки в шейную вену жертвы.

Я не чувствовал железного привкуса крови, ее тепла, бияния струи. Я наслаждался тем, как уходит из горла боль.

Словно масло смазывало воспаленную от простуды глотку.

Пришло освобождение – семя, не способное к зачатию, выплеснулось в жертву. Чернобровая дернулась, отстранилась. Я вторил ее жесту, вытащил иглы из шеи, спасая индигу от ненужной гибели.

Она распласталась по простыне в вязком забытье.

Ничего, выживет. Минут через пять беспамятство перейдет в крепкий сон, а к утру ночь испарится из жизни чернобровой.

Упиваясь сытостью, металлическим тонусом мышц, си-

лой, что зазвенела и потекла по венам, я зашел в ванную. Ополоснулся, надел чистое – сменную рубашку и брюки всегда носил с собой.

Вернулся в комнату.

Чернобровая лежала, раскинув ноги и руки по сторонам – спала глубоким, усталым сном.

Все нормально. К утру будет в порядке. Только слабость, легкое головокружение и провал в памяти оставит ей наш секс.

Она не вспомнит меня, я не вспомню ее. Все по-честному.

Я открыл окно и заскочил на широкий подоконник.

Город не спал. Огни «магнитных автомобилей» мельтешили по небу безумным роем светлячков. Окна небоскребов то чернели пустыми глазницами, то добавляли к файер-шоу машин прямоугольники рассеянного света.

Вывески всех цветов радуги, 3Д брендмауэры и рекламные щиты били по глазам дикими сочетаниями красок.

Я помнил этот город еще серым скромником прошлых веков. Когда рассеянный свет вывесок не переспорил бы жемчужины фонарей. А небоскребы казались утесами среди холмов пятиэтажек.

Я помнил это место, когда здесь и города-то не было...

Все вокруг менялось, и только я оставался прежним. Бесчувственным, сколько бы химии любви не съел, расчетливым, на какие бы ласки не расщедрились женщины на одну ночь.

Силы все приливали и приливали, и я заскучал по родному дому.

Оттолкнулся и... спрыгнул...

Я столько раз делал это, повторял как ритуал... и вот сегодня, впервые, что-то пошло не так.

Стопы коснулись пружинистого асфальта, сиреневого, как подернутый сумерками лед.

Я мягко приземлился на полусогнутых ногах. Резко выпрямился и... почувствовал толчок в спину.

Инстинктивно отпрыгнул вперед и собирался продолжить путь. Но все-таки оглянулся.

Она сидела на асфальте, по счастью теплом, с подогревом. Тяжело и возмущенно вдыхала свежий, ночной воздух. Куталась в шерстяную кофту при двадцати трех градусах по Цельсию. Еще одна индиго.

Собранные в высокий пучок волосы в свете круглощечного фонаря отливали медным.

Зачем я нагнулся? Она подбирала разбросанное по асфальту добро, суетливо возвращая его в сумку. Не в дамский клатч, как мои излюбленные жертвы-кокетки, в дорожную, кожаную, но увесистую сумку.

Я пододвинул блокнот и ручку, что валялись у самых ног. Коснулся узкой ладони с по-детски остриженными ногтями и... замер.

Пальцы вздрогнули. Странная, теплая волна прошла по телу. Сердце, что веками билось двадцатью ударами в мину-

ту и ни одним больше, даже во время секса, даже во время побега, вдруг яростно заколотилось. Тук-тук-тук...

Она подняла глаза – красно-карие, полные тяжелой грусти. Старой знакомой в глазах индиго.

Я замер, оглох и ослеп, весь ушел в этот взгляд.

Черные ресницы подчеркивали разрез глаз формы миндаля.

Четко очерченные скулы переходили в круглый подбородок. Маленький нос, чуть вздернутый, небольшие губы придавали лицу детскость не по возрасту.

Едва заметный шрам под правым глазом не портил незнакомку, скорее придавал изюминки ее кукольному личику. Словно след от слезы, он добавлял взгляду глубины. Сквозь дырчатую вязку кофты выглядывала ложбинка между губами. Вздываясь волнами, они так и рвались из плена одежды.

Кап-кап-кап... с моей брови на асфальт закапала роса. Что это? Я смахнул с лица пот. Я же не потею! Мерзкие струйки скользнули по спине. Что за черт?

Я взмок будто взволнованный подросток?

Незнакомка змеиным броском схватила «укомплектованную» сумку. Легким, едва заметным движением вскочила на ноги, словно ничего не весила, и выпрямилась стрелой. Ни тени усилия, напряжения, не промелькнуло на спокойном лице индиго. Охотница, на таких, как я – натренированная, сильная и ловкая смотрела на меня исподлобья.

Я поднялся следом. Высокая грудь ее призывно выпирала навстречу, узкую талию перетягивал тонкий пояс. Брюки облегали длинные ноги, подчеркивая округлости ягодиц.

Да что со мной? Я будто врос в землю. Половой орган потяжелел, прогрелся. С чего бы? Я не голоден. Откуда этот нестерпимый жар, сильнее всего, что испытывал во время секса?

Незнакомка едва дышала. А я пыхтел за двоих. Да что со мной? Еще несколько капель поползли по вискам. Я вытер их рукавом.

– Простите, – недовольно отчеканила незнакомка. – Могу я пройти? – звонкий голос – юный, высокий – ласкал слух, не смотря на раздраженные нотки.

Я огляделся. Пустынная улица пестрела «нехорошими заведениями» – ресторанами, барами, клубами для распутной и неприлично богатой публики. Я не мог отпустить ее одну. Почему? Да что со мной такое-то? Я сыт. На три-четыре месяца свободен от слабости и боли голода.

Я не должен был заметить ее. Но я не мог на нее наглядеться.

Незнакомка отступила, опасения на ее лице неприятно царапнули где-то внутри, болью отдались в области сердца. Я должен вызывать у женщин восхищение, желание, но уж точно не страх.

– Тут небезопасно, – а что с моим голосом? Почему он вздрагивает, сипит? – Позвольте, провожу? Вам не стоит хо-

дить тут одной. Я доведу вас до дома, – с непонятной настырностью зачастил я.

Какого черта?

Я всегда действовал мягко, лишь подталкивал женщин, не давил и не настырничал.

Почему же сейчас не получалось? Я сам поразился собственному отчаянному напору.

– Здесь было бы безопасней, если бы вы не прыгали на встречу, не глядя, – проворчала незнакомка, отряхивая свитер и брюки от несуществующей пыли. – Я не беззащитная, я индиго и спокойно дойду сама, – развернулась и стремительно удалилась в темноту соседней улицы.

Нет, чтобы держаться белесого тумана фонарного света! Она юркнула в самый мрак возле домов. Я вздохнул и медленно, осторожно двинулся следом. Я могу шагать за ней так, что даже не заметит.

Стопы в ботинках на гибкой подошве перекатывались по асфальту легко и бесшумно.

Я не узнавал себя. Вместо того, чтобы вернуться в родной город меж измерениями, вечно цветущий и прекрасный, я брел по улице, не ведая куда. Следил за каждым шагом незнакомки, от которой, вроде бы, ничего не должен хотеть.

Сердце заходило в груди. Выдыхать потяжелевший воздух становилось все труднее.

Стоило вспомнить о ее груди, проследить за ягодицами – крепкими, круглыми как яблочки, и тело словно готовилось

к питанию сексом. Но ни съездившийся орган-губка на небе, ни боль в горле, не напоминали мне о том, кем родился.

Незнакомка дошла до небоскреба, приложила к ограде синий ключ. Родинка в центре ее запястья, словно камушек невидимого браслета, надетого самой природой, мелькнула в свете лампы над забором. Замок звякнул и открылся. Она скользнула за решетку, захлопнула ее перед моим носом, и заспешила к подъездной двери. Отворила ее тем же способом, тем же ключом и... скрылась из виду.

Я остановился. Вместо того, чтобы вернуться домой, в свой город, в свой мир, я стоял и смотрел вслед незнакомке, не в силах двинуться с места.

Вдруг она выглянет из окна? Тогда я запрыгну туда и полюбуюсь еще немного.

Я ждал – минуты падали, как тонет в воде бумага. Медленно и плавно.

И, кажется, время почти остановилось.

Она не выглянула, я так и не узнал – в какой квартире живет незнакомка.

Сердце так больно екнуло, словно меня со всего размаха ударили по грудной клетке. Я начал озиаться – в полной растерянности ища способ выяснить – где живет незнакомка.

Будто ответом на мои молитвы, световое табло зажглось на торце дома. В синей полутьме засияли цифры – номер квартиры, куда только что вошла владелица.

Я облегченно выдохнул и зашагал ко входу в свой мир.

Дверь 333. Число борьбы, что почитают рирры, как знак особой силы духа.

Вышагивая по знакомой улице, не глядя по сторонам, я пнул что-то, и оно тревожно зазвенело в темноте под ногами. Только теперь сообразил, что остановился на том самом месте. Там, где встретил ее.

Предмет проскользнул в круг фонарного света и ослепил обманными отраженными лучами. Зеркальце! Она потеряла зеркальце!

Я присел, поднял круглое зеркальце-камею и замер, словно зачарованный.

Теплые волны заструились по телу, словно незнакомка опять совсем рядом, только руку протяни. Я потер пальцем белый женский профиль на крышке антикварного зеркальца и поспешно засунул его в карман. Будто кто-то другой мог посягнуть на мой маленький клад.

Надо отдать моей индиго. Слово, оброненное между делом, мысленно, казалось таким непривычным, но таким... правильным.

Слишком правильным для рирра.

Я нашел свою женщину. Возможно, на свою погибель.

***Еслена

Я распрощалась с Магнолией возле бара. Она решительно отправилась на поиски ночных приключений, а я – прогуляться по неспящему городу.

Шаги по пружинистому асфальту, влажный ночной воздух с запахами пережаренного мяса, светопредставление машинных фар над головой...

Все как обычно. Мне нужно было подумать, а привычная обстановка суеты мегаполиса подходила для этой цели лучше некуда.

Последнее сборище «могучей четверки» – кучки индиго, проживших достаточно, чтобы боль потерь переросла в тягучую тоску о прошлом, выявило череду новых нападений.

Их совершало либо эмкре либо кастра. Одно из двух.

Я завернула за угол, прокручивая в голове варианты.

Эмкре или пожиратели любви питались гормонами, что в момент оргазма вливались в человеческую кровь. Идеально-красивые, почти неуязвимые монстры, охотники «одной ночи». Ловили на крючок «журнальной красоты» неоперившихся малолеток или заморенных невниманием супругов замужних дам. Тащили в отель или еще куда-нибудь. Доставляли неземное удовольствие и убивали, высосав кровь без остатка. Даже у самых чувственных женщин по венам текли такие крохи гормонов, что иначе монстрам не насытиться.

Лишенные пищи, они разлагались заживо – страшная участь. Помню, как мы нашли замурованного в квартире эмкре. Месиво из гноя, сукровицы, клочков тканей. Помню, как меня едва не вывернуло, когда чудовище повернуло голову. Вокруг глаз, на плечах отвалилось по клочку плоти. Из окровавленной, усыпанной зелеными каплями гноя сетки ребер вывалились внутренности. Как мой желудок выдержал, ума не приложу.

Жалость спазмом сдавила грудь. Эмкре добровольно отказался от еды, но до смерти ему предстояли еще многие муки и дикая боль. Умирили чудовища лишь тогда, когда умирал мозг. А он отключался в последнюю очередь.

Картра без естественной пищи высыхали до мумий. Помню и такого красавца – парализованную иссохшую страхолюдину на белых простынях. Любовница привязала неверного к кровати в его же доме и ушла. Обмотай его правильными бинтами, снеси в египетский музей – никто не заметил бы подлога.

Питались картра гормонами возбуждения. Матерые чудовища не убивали жертв. Этого и не требовалось. Даже обычная влюбленная скромница могла месяцами кормить их, почти не ощущая потери. Молодые картра порой теряли контроль, пили до одури, допьяна и... не замечали, как погибала жертва.

Не очень разумно. Хитрые, умелые картра десятилетиями питались от любовниц. А когда те старели и дурнели, броса-

ли под благовидным поводом.

Отличить эмкре от картра труда бы не составило – секс на одну ночь и длительный роман далеко не одно и то же, если бы не одно но... Все жертвы были одинокими женщинами под тридцать или чуть за...

С соседями по дому не общались, о родственниках не вспоминали. На работе не сплетничали, близких друзей не нажили. Такие могли годами встречаться с ухажером в отелях или на съемных квартирах, и никто бы ничего не заметил.

Я шла по улице, понимая, что это последнее, нехорошее дело куда сложнее предыдущих. Мы – охотники, а не детективы. Подкараулить монстра, уничтожить его одним из верных способов, а наутро явиться на работу в виде индиго-одуванчика – раз плюнуть. Разгадать загадку двух десятков смертей за три месяца и вычислить нечисть – совсем не наш профиль.

Хуже всего то, что эмкре и картра – принципиально разные виды. То, что для одних смертельно, другим добавляет сил. Ошибся с оружием – и ты хладный труп.

Вот почему мы ходили вокруг этого дела кругами и ничего не предпринимали уже две недели. С тех пор, как происшествия обнародовали в одной желтой, но очень ушлой газетенке.

Телевидение и крупная городская пресса упорно хранили молчание. Власти отчаянно скрывали свое бессилие, и

некомпетентность следственных органов.

Жертвы множились, люди в страхе шептались по углам, а мы буксовали.

С параллельным миром нашему повезло до невероятно-сти. Там обитали такие «Шреки», что и во сне не приснятся.

Правду сказать, половина – безобидные.

Но и хищников – хоть отбавляй.

Они то и дело точили зубы, когти и промышляли в нашем мире, нагло пользуясь тем, что здесь нет ни магии, ни сверх-существ. Наверное, поэтому и появились мы.

Уже лет двести мы успешно сдерживали наплыв чудищ, находили их и убивали. Только сейчас вышла заминка. Я зябко поежилась от неприятных мыслей и мерзкой погоды.

Лето безнадежно уступало права осени.

Холодный ветер упорно пробирался под кофту. Морось помогала ему – оседая на коже, недружелюбно студила тело.

Я прибавила шаг.

И надо же было, чтобы на меня сверху свалилось нечто.

Вернее – некто. Красавчик, прах его побери!

Весь из себя такой правильный, без недостатков.

От неожиданности я выронила сумку. Пришлось спуститься в самую тьму. Овалы ближайших фонарей, как на-зло, освещали все, кроме клочка тротуара, куда вывалились мои пожитки.

Незнакомец бросился помогать, и я хорошо его разгляде-ла. Вот на него фонарь, словно по особой симпатии, излил

весь свой белесый свет.

Густые кудри заиграли золотом. Правильные черты лица – в меру загорелого и в меру светлого – с радостью нащелкали бы для модной рекламы лучшие фотографии. Да и тело не упустили бы – с таким только на обложке глянца и красоваться. Но удивили меня глубокие, ультрамариновые глаза. Цветом и, пожалуй, выражением. Было в них что-то неуловимо хищное.

Невольно вспомнился камышовый кот...

Однажды мне вздумалось завести кота. Решила – скрашу одиночество необременительной пушистой компанией. Пошла на выставку выбрать четвероногого друга. Котята играли с палочками, задумчиво разглядывали посетителей, спали, трогательно свернувшись в клубочек. И лишь один следил за всеми так, словно каждый зевака – возможный враг.

В его умных, хитрых глазах отражалась такая неприручаемость, презрение к посетителям, что я подошла и спросила хозяйку – что за это чудо-юдо.

– Камышовый кот, – расплылась в улыбке дородная женщина средних лет. – Кормить нужно сырой рыбой. А в остальном – как любой другой.

Ну уж не-ет! Как же!

Я смотрела на кота и понимала – тот еще фрукт.

И вот сегодня, спустя века, снова этот взгляд, полный дикой свободы, негибамости воли.

Меня передернуло от неприятных ощущений. Или так

проявили себя способности индиго? Мы ощущали все странное – людей со слишком сильной интуицией – интуиты, как называла их Магнолия, чудовищ... и их жертв.

Я поспешила избавиться от назойливого помощника – он так и рвался меня проводить.

Станный... Вроде бы и чудовище, вроде бы и нет.

Я ощущала залетных монстров по странному холоду – он окутывал и прорывался сквозь одежду. Даже хлесткий осенний ветер уступал ему первенство. Сейчас же чудилось – от незнакомца веет и стужей, и теплом.

Будь я уверена, что он – чудовище, сама бы позвала с собой. А еще лучше – проследила – куда удалится, где спрячется.

Но незнакомец вселял смутную тревогу и приятное волнение разом. Я так и не решила – что же он такое. Интуит, везунчик, безобидное сверхсущество из параллельного мира или замаскированное чудовище.

Позже разберусь. Я невесомо поставила на красавчике метку. Маленький энергетический слепок, по которому смогу проследить его дела в городе. Если набедокурит – поймаю за руку. А так... невиновен, пока не доказано обратного.

Отделавшись от навязчивого попутчика, я без дальнейших приключений добралась домой.

И черт меня дернул позвонить Магнолии.

Сначала я просто ждала, пока подруга возьмет трубку. Ждала, ждала, ковыряя антикварной шариковой ручкой бле-

стящую поверхность столешницы. Потом сходила на кухню, налила себе цикорий, села в кресло и снова ждала. Напиток не лез в горло, застревал, словно загустел как смола.

Бум-бум-бум... застучало сердце. Волнение охватило быстро – я задохнулась, охнула, колени предательски ослабели.

Шкафы у стен уперлись в потолок деревянными солдатами. И в свете простого, плоского светильника под потолком, отбрасывали долговязые тени. Они ползли по полу, искривлялись, подбирались к ногам. Луна мелькнула в черноте неба белой монеткой, и спряталась в облаках.

Обстановка давила, как всегда, когда я предчувствовала неладное.

Все сильнее беспокоясь, я набирала и набирала номер подруги. Но безрезультатно. Что с ней такое?

Магнолия никогда не напивалась – максимум пару бокалов хорошего вина. Телефон ставила на виброзвонок и крепила к карману. Крошечный аппарат почти незаметен, не мешает. Не то что раньше! Во времена моей молодости сотовые были больше ладони. Кирпичи, не иначе.

Потерять телефон Магнолия не могла. Только вместе с карманом – заклепка из особого металла цеплялась намертво и открывалась только прикосновением руки владельца. Считывала ДНК, как и многие новомодные чудеса техники.

Бесплотные попытки достучаться до Магнолии всколыхнули во мне волну страха. Сердце сжалось, руки и ноги по-

холодели. Что же делать?

Я набрала номер Максима.

Бодрый голос тысячелетнего индиго резанул по живому.

– Да, моя красавица?

Ох уж мне эта патока его высокопарных фраз, за которой – холодный рассудок и каменное сердце.

– Магнолия не отвечает на звонки, пропала, – пожаловалась я в трубку.

– Бог ты мой! – я прямо видела, как он грациозно всплеснул руками –десятилетия назад Макс солировал на балетных подмостках. – Сидит где-нибудь с дружкой, а на тебя и времени нет.

Злость на его тон, несправедливые слова, вернула мне силы – к ватному телу пришло второе дыхание.

– Ты Магнолию что ли не знаешь? – возмутилась я, сжав кулаки. – Она звонки берет всегда. Даже в постели с мужчиной!

– Раньше брала, – нараспев возразил Макс. – А теперь нашла того, кто выбил эту дурь из головы. Женщина должна оставаться женщиной! Особенно в постели. А не суперсолдатом по уничтожению параллельских тварей.

– Макс, – взмолилась я. – Можно я приеду, и мы попытаемся почувствовать ее, а?

– За кого ты меня принимаешь? – в его голосе сладость смешалась с негодованием. – Если уж тебе так нейдет, приеду сам. Жди.

– Ты скоро? – голос дрогнул от беспокойства и нетерпения.

– Скоро, – в своей ласковой манере заверил Макс и сбросил вызов.

Я сварила ему кофе, добавила побольше сливок, две ложки меда – Макс обожал пить так и не иначе.

Когда запах горячего напитка заполнил просторную комнату, а сам напиток дымился на полупрозрачном столе, в домофон позвонили. Включился видеоглазок, растянув на всю площадь округлой линзы хмурое лицо Макса.

Странно. По сотовому он звучал гораздо веселей и бесшабашней.

Я отперла магнитный замок и дождалась, пока Макс торкнется в открытую дверь.

– Торопился к тебе, поэтому видок затрапезный! – небрежно бросил он, вешая на треногу длинное угольное пальто. Черные сапоги поставил прямо под ним, словно хвастался – насколько они сочетаются.

«Затрапезный вид» Макса отлично подошел бы даже для театра. Дорогие шерстяные брюки, со стрелками, шелковая рубашка и кожаная жилетка. Не черная, как все остальное, а темно-коричневая.

Макс пригладил рукой густые каштановые кудри, что разметались по плечам, убрал со лба челку. Только после этого, до боли знакомого мне ритуала, прихорашивания, лицо его посуровело, а красивые брови взлет сошлись на переноси-

це снова.

– Черте что у вас во дворе творится! – Макс даже ругался с балетной грацией. Плавнo махнул рукой, проскользнул в гостиную и развалился в кресле, закинув ногу на ногу. Я присела напротив, наблюдая, как тонкие пальцы Макса крутят белоснежную кофейную чашку. Он то подносил ее ко рту, то вращал на столе туда-сюда.

Ненадолго в комнате повисла тишина. Макс уставился в окно невидящим взглядом, маленькими глотками смаковал кофе, а его беспокойные пальцы не останавливались ни на миг. Таких, как Макс, называли красавчиками. Неприлично гладкая для мужчины кожа, темно-серые с зелеными крапинками глаза, тонкие, точеные черты.

Макс перетанцевал на большой сцене всех принцев, героев и эльфов.

Мои немногие знакомые порой принимали его за гея. В век вседозволенности, моды на толерантность, однополыми парами и ребенка не удивить. Но Макс обижался, смешно надувал щеки. Любимец женщин, он менял красавиц как перчатки. На ресторанные встречи «могучей четверки» его извечно сопровождала какая-нибудь холеная «цыпа». Модель, актриса, на крайний случай – известная телеведущая. Сосеждствовала с нами недолгое время, ковыряла ложкой ягодное ассорти или мороженое, и «уплывала», дежурно чмокнув Макса в щечку.

– Так что там в моем ужасном дворе? – напомнила я

балетному, который, кажется, совсем забылся, наслаждаясь любимым напитком.

– Какой-то белобрысый болван, одетый, будто на дворе жара, налетел на меня, пока набирал твой номер. Хам! – выплюнул Макс.

– Налетел? – удивилась я.

– Подскочил, чуть не сбил меня с ног и спросил – кем прихожусь хозяйке квартиры. Нет, ну ты представляешь? Кем Я прихожусь хозяйке квартиры! А он-то что за черт с горы?

Я в недоумении уставилась на Макса. Не шутит – нахмурил брови, насупился, мелкие складки проступили на носу. Едва заметная тонкая нитка шрама у самой линии роста волос побелела и проявилась на розоватой коже.

Макс когда-то упал на сцене, и партнер рассек ему лоб деревянным мечом.

– Перепутал номера квартир, – предложила я. – Может у него тут любовница живет или жена. Вот и перевозбудился.

– Я послал его. Конечно, вежливо, – Макс отхлебнул кофе и немного расслабился. – Но все равно неприятно, – балетный снизошел до почти дружелюбного тона, но чашка на столе закрутилась быстрее. Звон дорогой пластмассы по чуть более дешевой выражал все то, что думал Макс о настырном незнакомце у ворот.

– Давай попробуем с Магнолией, а? – взмолилась я.

Утекали драгоценные минуты, а мы обсуждали невежу с улицы, что перепутал квартиры, а то и вовсе – номера домов.

– Ну давай, – снизошел Макс, чашка остановилась – пальцы балетного крепко сжали ее пузатые бока.

Я откинулась на спинку кресла, позволив ему поддержать расслабленное тело. Прикрыла глаза.

Моих способностей индиго хватило бы на розыск сотен таких, как Магнолия. Но вот беда! Управлялась я с ними хуже некуда. Эмоции, всему виной эмоции. Я поднимала энергию вокруг, и чувства удесятерялись, мешали логически мыслить. В беспокойстве, в угаре, я плохо ориентировалась, теряла тонкую аурную нить, оставленную Магнолией. Макс слабее значительно, но судьба подарила ему дар управлять энергией. Своей ли, чужой ли – неважно. Он впитывал мою, как губка, и находил любого из «могучей четверки» за считанные минуты.

Энергия потекла к балетному, и я увидела след Магнолии. Розоватый, туманный он вился по городу, расширялся, пока толстой веревкой не вонзился в шикарный пятизвездочный отель. Здесь, на семидесятом этаже, в VIP-номере спала Магнолия. И даже без чтения энергий становилось ясно – не обычный это сон.

Макс разбираться не стал. Прервался, отпил кофе и резюмировал таким тоном, словно я кричала об убийстве, заметив пролитый на полу кетчуп:

– Ну вот! Что я говорил? Жива твоя Магнолия, здорова. И отлично провела ночь, как видно. Не то не отключилась бы как убитая.

– Ты думаешь? – недоверчиво покосилась я на балетного – его пальцы вновь вращали полупустую чашку на столе.

Почти по-женски красивые, точеные губы Макса расплылись в улыбке.

– А ты думаешь, она вырубилась, перетанцевав в клубе?

– Я думаю, на нее могли напасть, – близорукое спокойствие Макса раздражало все сильнее.

– Да-да, – чашка зашаталась, задергалась. – Напали, полюбили и отчалили.

– Ты сам думаешь, что говоришь! – взвилась я. – Мы же тысячу раз расследовали нападения на женщин! Убивали чудовищ!

– Давай-ка притормози, – взгляд Макса похолодел – серые глаза будто подернулись льдом, как всегда при вспышке гнева. Сплошная линия хмурых бровей натянула лоб, и шрам проступил снова. Чашка замерла, а пальцы Макса вокруг нее побелели. Белый ноготь на правом указательном будто слегка оттопорщился, выделяясь на фоне остальных – гладких, прозрачных, идеально отполированных.

Балетный повредил ноготь, рухнув с какого-то устройства, что должно было носить его над сценой. Роли ангелов стоят недешево.

– Мы сейчас говорим не о глупой тетке или малолетке, которая ищет приключений на задницу! Мы говорим о Магнолии! Она видит чудовищ, разбирается в них! Она бы первая тебе позвонила и предложила его укокошить.

Балетный отвернулся к окну, стиснул челюсти, продолжая хмуриться – я достала его. Правая нога Макса, закинутая на колено левой, резко закачалась, как маятник. Бросились в глаза пальцы «в кучку» – пуанты уродуют стопы даже людей с такой сильной регенерацией, как мы.

Ладони Макса нервно сжимали чашку. И казалось, тонкий пластик вот-вот расколется, окропив балетного кофе.

За длинным, почти во всю стену окном, гулял ветер, и ветки деревьев норовили постучаться в дом. Белая монетка Луны выглянула из-за туч, будто интересуясь нашим разговором.

– Макс, – попыталась я смягчить балетного. – Алкоголь отнимает у Магнолии большую часть способностей.

Лед в его серых глазах растаял, бровь изогнулась, нога замедлилась, а пальцы принялись неспешно вращать чашку.

– А ведь и правда. Не подумал об этом, – Макс чуть подался вперед, и, не предупреждая, соединил нас с Магнолией.

Нет, она не пила.

Макс вынырнул из энергетического слепка города с возмущенным фырканьем. Его нога закачалась снова, пальцы судорожно стиснули чашку. Напряженное лицо, сведенные брови и вновь проявившийся шрам на лбу ничего хорошего не сулили.

– Утешилась, паникерша? – припечатал балетный, смерив меня колючим взглядом.

Что ответить? Я ошиблась. Но не успокоилась. Рваным

пульсом билась в груди тревога, перед глазами все еще стояла распластанная Магнолия.

Черные волосы растеклись по простыне кляксой, полупрозрачные, крепко сомкнутые веки, нервно вздрагивали. И казалось, Магнолии снится кошмар – оттого и бегают под тонким покрывалом век глаза, дрожат искривленные губы, сжимаются кулаки.

– Я чувствую – с Магнолией что-то не так, – беспомощно выдохнула я в красивый профиль Макса.

Он отвернулся от окна, и вгляделся в мое лицо – серые глаза потеплели, излучали участие.

Макс уставился в стену, почти не мигая – задумался.

Оставив полупустую чашку в покое, тонкие пальцы его крутили верхнюю пуговицу жилетки. Луна подмигнула из-за облаков, очертив белесой дымкой остроносый профиль балетного, смягченный волнами каштановых волос. Как по волшебству в ее неровном свете показались вены под тонкой кожей шеи, на изящных, но вместе с тем жилистых ладонях. Зачернела дырка, ровно по центру мочки. Лет двадцать минуло с тех пор, как Макс бросил носить серьгу, но дырка никак не зарастала, опровергая этим весь мой опыт.

– Обождем до завтра, – уже серьезно, без тени насмешки произнес балетный спустя недолгое время, и нога его закачалась. – Там видно будет.

Я дернулась, нервно подалась вперед, неловко толкнула стол. Он подвинулся, и кофе закачалось в кружке, выплес-

нулось наружу.

Прозрачный пластик стола, с ракушками и водорослями внутри, окропила темная роса. Я как замороженная наблюдала за игрой света на черно-коричневых каплях. Сознание заволокла дымка дремы. Макс рядом, уверен, что до завтра ничего страшного с Магнолией не случится. От осознания его молчаливого покровительства, вся моя собранность рассеялась как дым.

Веки потяжелели. Не успела понять, что случилось, а уже клюнула носом.

В соседней комнате пустовала любимая кровать – огромная, трехместная – я заплатила за нее целое состояние. А я так и проспала всю ночь в кресле, в скрюченной позе, вытянув под столом ноги.

***

Очнулась я ближе к утру. Прохлада просачивалась в закрытые окна, находила неведомые мне щели. Надо будет отремонтировать.

Макс сидел на том же месте – неподвижный, но не спящий. Изящный профиль – хоть сейчас чекань на монетах – смягчился в розовой рассветной дымке. Тонкие пальцы тербели пуговицу на жилетке.

Восход распускался у городской границы. С высоты моей квартиры было чудесно следить за тем, как тянутся в хмурое

осеннее небо розовые лепестки лучей.

– Проснулась? – Макс обернулся, взгляд был теплым, участливым.

– Ага. А чего ты домой не ушел? – спросила я сквозь зевоту.

– Кое-что меня заинтересовало. Задержался, копал, – не всякий с первого раза вникал в объяснения Макса. Витая в собственных мыслях, он говорил комкано, невнятно, путано. Но я привыкла.

– Вот, посмотри, – балетный протянул мне монкс. Древние планшетники эволюционировали как динозавры в птиц. Тонкий, как лист бумаги, экран светился лампой.

Макс провел над ним ладонью, вызывая последние просмотренные страницы.

У меня екнуло сердце, сжалось, неумолимо напоминая, что есть вещи, к которым даже после всего пережитого не привыкнуть. Хорошо, что не позавтракала, съязвила я мысленно. Но от этого стало лишь тошнотворней.

Глава 2. Еслена

Девушка лежала в центре комнаты, на полу. Сломанное тело ее походило на выброшенный из бутика манекен, едва прикрытый длинным, разодранным в нескольких местах коктейльным платьем. Испещренные кровоподтеками руки, спина, выгнутая там, где не должна гнуться, вместо половины лица – кровавая каша.

Сломанная ключица острыми костяными пиками вышла наружу. Струйки бурой жидкости нитками расползлились по нежно-розовой ткани, спускаясь на пол.

Контраст невинного цвета платья, тонюсеньких бретелек на худеньких плечах, и тела, которое словно рвал дикий зверь, заставил меня сглотнуть. Мерзкий, колючий ком в горле не поддавался, застрял, глаза увлажнились. Я стиснула зубы и кулаки, сдерживая слезы. Девушка была намного моложе других жертв – неоперившийся птенчик, что наряжается в мамино платье, чтобы взрослые мужчины оценили расцвет ее женственности. От этой мысли мне стало еще хуже.

Девушка приглашающе раскинула ноги, согнула колени. Знакомая поза жертв наших чудовищ. До жути знакомая.

Крови вокруг почти не было. Нулячий белый паркет казался слишком чистым, слишком девственным для отвратительной картины.

Новая жертва. О ней опять писала «Фальстрене» – за-

штатная газетенка, что киоскеры брезгливо швыряют в папку для бесплатной прессы. Зато ее виртуальный портал гудит от комментариев, подвисает от лавины запросов.

Макс встал, сходил на кухню, и пока я читала заметку про искромсанную модель, принес мне чай, а себе – кофе.

Балетный гостил у меня не раз и чувствовал себя как дома.

Стряпать Макс обожал. Это успокаивало его, воодушевляло, но сам балетный клевал как птичка. Иной раз, на встрече «могучей четверки» в кафе, мы с Магнолией стыдились своего обжорства, пока Макс лениво пощипывал мини-сэндвич или сырную нарезку.

Мерное гудение кухонной техники оповестило меня, что балетный занялся любимым делом. Новости встревожили его всерьез.

Не мудрено! Раньше чудовище не уродовало жертвы. пило кровь, разодрав шею, и бросало мертвое тело на месте преступления. Откуда эта ярость? Эта жестокость? Ни картра, ни эмкре не кромсали добычу. В груди расчетливых хищников не сердца – кусочки льда. Нет в них места для безумной ярости, гнева и мести. Голод гнал эмкре и картра за жертвой, а сытость уводила прочь.

Тот, кто набросился на девушку, жаждал ее боли, стонов, мольбы о пощаде. Для картры и эмкре это все равно, что купить вкуснейшее вино и нечаянно расколоть бутылку по дороге домой. Увидеть лишь как впитывает земля настоящий

годами напитков, поймать изысканный запах. И уйти, не со-
лоно хлебавши. Сладкие гормоны – пища чудовищ – смени-
лись бы желчной горечью гормонов ужаса и страданий.

И значит, все наши выводы ложны.

Я встала, потянулась, разминая затекшие за ночь в кресле
мышцы. Взяла халат и побрела в ванную.

Максу не впервой ночевать у меня, как и не впервой ви-
деть меня голой. Я не в его вкусе. Балетному подавай хруп-
ких до костлявости гуттаперчевых фей.

Женщины из плоти и крови, как мы с Магнолией, для него
слишком тяжеловесны, грубо скроены.

Пока я занималась собой, Макс бродил из гостиной на
кухню, колдуя над очередным кулинарным шедевром.

А когда я закончила, надев трикотажные брюки с кофтой,
на столе для десяти персон – так гласил ценник в магазине
– дымились румяные тосты и сырные булочки. Чайник и ко-
фейник напоминали о том, насколько не совпадают наши с
балетным пристрастия к напиткам.

Смесь горьковатого аромата свежесваренного кофе с мен-
толово-ромашковым запахом чая перебивал запах чудесной
выпечки.

Я присела к столу и захрустела тостами.

Макс взял поджаренный хлеб и, отщипнув пальцами ку-
сочек, задумчиво произнес.

– Нам надо собраться снова. Всем. Тебе, Магнолии и Зан-
дре. Это не те чудовища, о которых мы думали. Это что-то

гораздо страшнее. Опасней и свирепей. И оно явно себя не контролирует.

– Что ты хочешь этим сказать? – холод в желудке заставил меня прервать трапезу.

– Я хочу сказать, красавица моя, – наставительно выдал Макс – привычно закинутая на колено нога его, начала раскачиваться. – Что он убивает легко, если жертва не выводит из себя. А если выводит – теряет контроль.

– Интересно, откуда такие выводы? – голод поборол во мне и страх, и отвращение. Я снова захрустела идеально поджаренным тостом.

– Первые жертвы, – Макс отправил в рот крошечный ломтик хлеба. – Почти не были растерзаны. Единичные раны, синяки от мощной хватки, ссадины не в счет. А эта... сама видишь, – его брови сошлись над переносицей, маятник ноги ускорился.

– А может это кто-то другой? – уточнила я, дожевывая тост, и берясь за следующий.

– Исключено, – Макс отверг мое предположение так, как отвергает учитель неверное решение задачи. – Данные вскрытия показывают, что кусали их тем же способом. В слюне нападавшего те же вещества, ДНК совпадает.

– И какое ДНК? – признаться, я не дочитала до этого момента.

– ДНК как ДНК, – пожал плечами Макс. – Ты прекрасно знаешь, что чудища мимикрируют под людей. Разницу в

наших ДНК приборы пока не видят. Не изобрели еще люди таких устройств.

– Это что? Совет? Без меня?

Я подпрыгнула от радости, заслышав низкий, с хрипотцой, до ужаса сексуальный женский голос. Помятая, слегка опухшая Магнолия уже сняла туфли и нацелилась на тарелку с выпечкой.

Жива и невредима! Слава богу! Мы с Магнолией давно обменялись дубликатами квартирных ключей, вызнали оружейные тайники друг друга.

Я рванула на кухню, за новой кружкой. А подруга, как ни в чем ни бывало, уселась в мое кресло, откусила булочку, запивая моим же чаем.

Когда я вернулась в гостиную, Магнолия и Макс обсуждали вчерашний вечер. Как всегда подруга бешено жестикулировала, бубнила с набитым ртом, привставала, чтобы взять слово, но смешной при этом не выглядела. Скорее забавной, как девочка-егоза, что умиляет своей непосредственностью. Даже по-хомячьи набитые щеки придавали Магнолии особого шарма.

Подруга не помнила ничего, с того момента, как ушла с каким-то красавчиком в VIP-номер отеля. Красавчика не помнила тоже, что удивляло гораздо сильнее. Магнолия выбирала мужчин придирчиво, тщательно. Высокая брюнетка, с фигуркой «что надо» и грацией пантеры – так окрестил ее наш четвертый индиго, метис Зандра, спутников на одну

ночь находила играючи. Со скрипом, порой не без моей помощи, отваживала поклонников, которым этой самой ночи казалось мало. Впервые на моей памяти Магнолия затруднялась описать любовника, терялась в цвете волос, глаз и помнила лишь горячее, совершенное тело.

Мои опасения вернулись с новой силой. Но добавлять эту каплю дегтя в бочку меда беззаботного щебетания Макса с Магнолией я не стала. Не имело смысла. Эти двое слишком полагались на свою силу, на дар индиго, на энергетику, которой могли «сжечь» чужой мозг и электроприбор – неважно.

Их бесшабашность пугала меня. Особенно в свете утренних новостей. Я взяла себе стул, налила чай и продолжила завтрак, отрешенно ловя обрывки беседы.

– Простите, вы потеряли зеркальце, – на пороге гостиной, словно из-под земли вырос мой вчерашний «прыгун на голову». Золотые кудри в идеальном хаосе – залюбуешься, ультрамариновые глаза смотрят не мигая. Снова в памяти всплыл камышовый кот – дикий, но заинтересованный взгляд зверя, что выбирает хозяйку.

Мятый шелк белой рубашки кричал о богатстве, черный шелк брюк – о незнании меры.

Гость прислонился к косяку двери, полоснул странным, задумчивым взглядом по Магнолии – так смотрят на бомжа за столом с олигархами. Следующий взгляд красавчика предназначался Максу – нетерпеливый, негодующий. Гость чуть ссутулился, и грудные мышцы, плечи налились силой.

Посмотрел на меня – резкость черт лица смягчилась, розоватый румянец проступил на персиковой коже. Он протянул навстречу руку, и на огромной, но вместе с тем изящной ладони блеснул кружок моего зеркала. Надо же! И, правда, мое. Потеряла в потемках улицы, когда красавчик свалился с небес на голову.

– Утрата зеркала – плохая примета, – небрежно бросил Макс, удостаивая гостя неуважительным взглядом, и нога его бешено закачалась. – Это он вчера на меня набросился, – сообщил балетный, откусив кусочек тоста.

Я вгляделась в лицо красавчика – не смущен, не расстроен. Гость расправил могучие плечи, показав, что они шире максовых вдвое, развел руки в стороны и обезоруживающе улыбнулся.

– Я хотел отдать зеркальце, но не знал – стоит ли доверять такой ценный предмет неведомо кому.

Макс резко повернул голову – их взгляды с красавчиком пересеклись. Поднеси лист бумаги – рассыплется пеплом. Гость улыбнулся шире – понравилось, что задел Макса за живое.

Друзей у балетного не было, родственники давным-давно почили. Мы – «могучая четверка» – все, кто терпел его неуживчивый нрав, мирился со скверным характером, протягивал руку помощи.

– Да ты вообще кто такой? – возмутился Макс. Казалось, сейчас нога его слетит с колена – так она раскачалась. Паль-

цы балетного нервно отщипывали хлеб и сминали в шарики.

В отличие от Макса, Магнолия напоминала удава на охоте за кроликом. Не столько грациозно, сколько вызывающе откинулась на спинку стула, выпрямилась, выставив напоказ высокую грудь. Не прекращая смачно жевать, подруга открыто, плотоядно оценивала достоинства фигуры гостя, буд-то его подали на десерт.

Полуулыбка мелькала на ее резко очерченных, маленьких губах.

– Меня зовут Мейзамир, – красавчик с небрежной грацией склонил голову в мою сторону. – Я, к несчастью, нале-тел на вас. И вы потеряли зеркальце. Такое наверняка очень жаль терять.

Поборов недоверие, я приблизилась к гостю – он не сводил с меня ультрамаринового взгляда, не моргнул, не шевельнулся. Отчего-то с каждым шагом смущение овладевало мной все сильнее. Сдерживая быстрые вдохи, я не взяла – выхватила из ладони гостя бабушкин подарок – складное зеркальце-камею из высокопробного серебра. Зажав в руке любимую вещицу, поспешила отступить. А красавчик, словно ловя меня, зашагал следом.

Мы двигались, как танцоры – глаза в глаза, мой шаг и вздох, его шаг и два выдоха. Когда я очнулась, прислонившись к стене, красавчик, как подросток однокашницу зажал меня в углу собственной гостиной. Я поразилась – насколько ровной, до тошноты идеальной выглядела его кожа. Ни

единого прыщика, неровности, шрама. Наверное, моя кожа рядом с ней кажется наждачкой. Лишь крошечная родинка спряталась под густой золотистой бровью гостя.

– Полегче, слышишь, – из-за моей спины ворчливо осадил красавчика Макс.

– Ага, – только и смогла поддакнуть я, но нахальный Мейзамир не слушал.

Наклонился, как и я, сдерживая рваное дыхание, ближе, еще ближе. Мои ноги ослабели, а ультрамариновые глаза заполнили весь мир.

– Я рад, что дорогая твоему сердцу вещица не потерялась, – выдохнул красавчик почти мне в губы, «на лету» переходя на ТЫ. – Могу я рассчитывать на ответную благодарность?

Колени так и норовили подогнуться. Будто хотели, чтобы я рухнула в руки Мейзамира, и что-то подсказывало – он только этого и ждет. Странная химия между нами, давно забытая мной, будоражила сильнее густого кофейного запаха.

– Эй, вы! Может нам уйти? – сексуально хихикнула Магнолия.

Это привело меня в чувство, придало ногам силы. Но Мейзамир и не думал отодвигаться. Я уперлась ладонью ему в грудь, чувствуя, как бешено бьется под пальцами сердце, каменеют мускулы. Щеки красавчика зарделись горячечным румянцем, губы приоткрылись – алые, чувственные. Он втянул воздух, с нажимом выдохнул и с хрипотцой спросил:

– Так могу я рассчитывать на ответную благодарность?

Я выскользнула из ловушки между мужским телом и стеной, и отступила к столу. Мейзамир двинулся следом, и я не нашла ничего лучше, чем положить руку на плечо Макса.

Красавчик остановился.

– Как вы сюда вошли? – потребовала я. – За забор пускают только жителей дома, или они сами открывают магнитный замок. В квартиру я вас тоже не впускала.

– Проще простого, – пожал плечами Мейзамир, и странный, годами наработанный опыт мелькнул в его детальном объяснении. – Попросил одну из местных одиноких дам впустить путника, забывчивого настолько, что не взял ключ у своей... девушки... А дверь в квартиру была не заперта.

– И она поверила? – я знала ответ еще до того, как красавчик открыл идеально очерченные губы. Одиноких бизнесуман в моем доме как рыб в пруду. Не всякая юная прелестница, у чьих ног разбиваются сотни сердец, устоит перед небрежно-галантным обаянием Мейзамира. Куда уж увядающей даме, для которой мужское внимание, ласка, такой вот пронзительный взгляд – еженощная мечта в холоде безлюдной квартиры.

– Без вопросов, – ни тени бахвальства не промелькнуло в голосе красавчика, ни капли иронии. Он говорил не о том, в чем убеждался не раз, не о том, чем кичилось мужское самлюбие – о том, что знал твердо, как дважды два.

Я вгляделась в лицо гостя. Макс и Магнолия наблюдали за

нами с Мейзамиром как за кошками на мартовской крыше.

Балетный даже не качал, нервно дрыгал ногой, его взгляд исподлобья спалил бы уже весь наш небоскреб. Магнолия хищно улыбалась, попивая чай. Ее томный взгляд с поволокой скользил по красавчику, опускаясь так низко, как я бы себе никогда не позволила. Подругу это не смущало, веселило – вздорные, игривые искорки притаились в уголках ее глаз. Губы приоткрылись и ямочка на подбородке стала заметней.

Не просекли друзья-индиго, не обратили внимания на то, что встревожило меня, лишило покоя. Красавчик вел себя не просто как многоопытный покоритель сердец. Он обсуждал женщин, как научный феномен, как уравнение, чье решение просто и укладывается в схему. Мне стало очень не по себе. Кто он такой?

Немало энергии индиго ушло на вчерашние поиски Магнолии, но я усилием воли собрала остатки, и включила аурное зрение.

Нет, кажется, он не чудовище. Не было вокруг Мейзамира ни фиолетовых нитей, что сплетались вокруг эмкре и картра в затейливый клубок, ни темно-синего стебля энергии, что вонзается в небо. Его аура выглядела чистой. Изумрудно-голубой, с переливами – сильной, почти как у индиго, но иной. Может он и не чудовище, но уж точно не человек. Из параллельных миров наведывались к нам и безобидные существа. Любопытство, волшебство знакомства с новым миром

манило их как бабочек солнце. Мифология искажила имена их рас, их внешность и наделила чудными свойствами. Может Мейзамир один из таких?

Только сейчас, перемалывая в голове происходящее, концентрируясь на госте, я задалась вопросом, который должна была задать себе много минут назад. Что он тут делает? Зачем пришел? Чего хочет?

– Вы ответите мне на любезность? – Мейзамир все еще стоял неподалеку, расправив плечи и странно двигая пальцами. Словно в руках его кусочки материи и гость пробует их на ощупь – мягкие ли, шелковистые ли, тонкие ли.

– Что вы от меня хотите? – рубанула я в тревоге.

– Всего лишь десять свиданий. Десять, – повторил он, будто в этой цифре таился скрытый смысл.

– Чего? – грубовато поразилась я.

– Десять свиданий, – улыбка Мейзамира изменилась – не лучистая радость сияла в ней, мелькала затаенная досада.

– Это еще зачем? – растерялась я.

– Десять встреч, не так много за дорогую сердцу вещь? Я мог оставить ее там, в луже. Пусть бы неловкий прохожий раздавил сапогом. Его несчастье – разбитое зеркало. Мне-то что? Я мог бросить его возле вашего дома, когда этот, – он невежливо ткнул пальцем в Макса. – Отпихнул меня, даже не выслушав. Но я принес его и прошу то, что не стоит ни денег, ни усилий.

Он говорил певуче, сладко, но не приторно и словно се-

тями опутывал. Красиво и без изысков заставлял поверить, что должна пойти на уступку, пообещать то, чего хотел.

– Да соглашайся уже! – хихикнула Магнолия. – Я с вами в клубах поразвлекаюсь.

Я подняла на Мейзамира глаза – что он думает о таком раскладе?

– Ну и? – развеял мои сомнения красавчик.

– Только не на этой неделе. В понедельник позвони. Меня, кстати, зовут Еслена, – с непонятой самой себе укоризной сдалась я.

– Знаю, – улыбка Мейзамира лучилась удовольствием. – Сказала соседка, что впустила меня в дом. Позвонить? – он достал из кармана сотовой. Темно-зеленый, лакированный, с изящной золотистой гравировкой. Такие не продавались уже лет сто, если не дольше. Да и тогда выпускались ограниченной партией, для элиты.

Я продиктовала номер, и Мейзамир заторопился к дверям. Я слышала, как он застыл, в ожидании провод, но не двинулась с места. Красавчик очень тихо вздохнул, словно слегка запыхался. Щелкнула дверная ручка, звякнул датчик магнитного замка – гость ушел.

– Это я, растяпа, забыла дверь закрыть, – пожала плечами Магнолия, и на лице ее было написано – не жалеет подруга ни граммульки.

– Так что с нашим убийцей? – от вопроса Макса я словно очнулась.

Казалось, Мейзамир замутил мой рассудок, одурманил, изгнал посторонние мысли. Между нами возникла и крепла непонятная, пугающая связь. Он двигался и дышал в одном ритме со мной, делал то, что я еще могла позволить, не взвиться от невоздержанности чужака. Дразнил сильным, чувственным мужским шармом.

Нарочно ли, случайно, ловил меня красавчик в сети влечения, заманивал, как умелый охотник недоверчивую добычу.

И от него не исходила опасность. Точнее, исходила, но не для меня. Я видела аурным зрением, ощущала инстинктивно – Мейзамир не обидел бы меня, не задел бы резким словом, не причинил бы ненароком боль.

Я села за столик и принялась жевать тост, вкус которого внезапно стал травянистым, никаким.

*** Мейзамир

Меня тянуло к ней как магнитом. Так тянет к еде, когда тело близко к разложению.

Будь я человеком, лишь легкая заинтересованность тронула бы душу. И кто знает, переросла бы она во что-то серьезное или нет. Или другая, мимолетная страсть унесла бы меня прочь от незнакомки, к другой красоте, другому теплу.

Но я не человек.

Зеркальце, серебряная безделушка, помогла мне попасть в ее дом, вырвать ее слово.

Мы двигались по комнате – ее шаг, мой шаг, ее маневр, мой маневр. А ее друзья следили за нами, как за канатоходцами под куполом Цирка.

Я не чувствовал ни рук, ни ног, лишь грохот сердца в ушах, лишь желание, лишь тяжелый воздух в груди, плотный, как вода.

Я не мог оторваться от ее глаз, но оторвался, когда надо было уйти.

Десять – цифра соблазнения у рирров. Если женщина твоя, смотришь, чувствуешь – твоя и все тут – просишь десять встреч. Ни единой больше, ни единой меньше. И соблазняешь, и показываешь, как с тобой прекрасно, и как без тебя плохо. Убеждаешь – как с тобой легко, и как безопасно.

Для рирра та самая, что тронула его сердце, уже часть его

самого.

Я едва сдержался, отвлекся на Еслену, чтобы не броситься, не порвать на куски женоподобного красавчика в ее кресле. Но что-то подсказывало – не так он прост. И дело даже не в том, что передо мной, в расслабленно-выжидающей позе сидел охотник за такими, как рирры. И не в том, что Чернобровая развалилась тут же, изучая меня, как в кафе, словно быка-производителя. Дело в том, что сердце выпрыгивало из груди, а Еслена отскакивала от меня, как от чумного. Я не понимал ее, не мог разгадать. Индиго ли, охотница ли, женщины всегда млели от меня. Я вертел ими, пользовался, без особого труда добивался желаемого. Я пил индиго не раз и не два. Не таких сильных, как Еслена. Их – наперечет. Наверное, поэтому они – все как один – заделались охотниками. Но я питался индиго много лет, сберегая хрупкие жизни смертных. И ни одна из них не помнит меня, не укажет пальцем. Даже сверхрегенерация индиго на моей стороне.

Крохотные ранки на шее Магнолии, словно десятки укулов тончайшими иглами, заросли бесследно. Никто не заметил их, даже она сама.

Чернобровая оправилась быстро – сидела, хрустела булочками, наблюдала за мной и Есленой. А красавчик отпускал едкие замечания. Я еще встречу его, охотника, где-нибудь во мраке ночной улицы. Подкараулю и мы решим наши разногласия по-честному, как мужчина с женщиной, как хищник с хищником.

Мне понравилось как кто-то, быть может, такой же рирр, как и я, расписался на его лбу. Еле заметный шрам, а сколько удовольствия понимать, что никогда ему не быть таким идеально красивым, как я. Я уже не говорю про уродский толстенный ноготь – словно несколько ногтевых пластин кое-как выросли друг на друга. Верный признак того, что ноготь вырывали. С темным наслаждением я думал о боли, что пережил красавчик. О том, что могу положить перед Есленой свои удлиненные, правильной формы ногти, а не стеснительно прятать их, загибая палец вовнутрь, как делал охотник.

Уходя от Еслены, я заметил, что она с друзьями изучала кровавые происшествия.

Отца беспокоили многочисленные жертвы. Он боялся, что в нашем мире возродились старые расы. Мы мысленно похоронили их, потому что давно не встречали. Но никто не видел их гибели, не находил их скелеты, не входил в пустынные подземные города. Они могли выползти из темного логова, как склизкие черви из рыхлой почвы. Прийти в мир людей, чтобы восстановить утраченные за вековой сон силы. Или того хуже – чтобы пробудить самых древних.

И я испугался. Чувства – человеческие, утомительные – накрывали одно за другим, не давая ни минуты, чтобы привыкнуть, адаптироваться. Я боялся за Еслену. Я видел – охотники нацелились на тех, кого не принято помянуть в нашем мире вслух. Я понимал – они не отступят. Сильнейшие индиго, сверчеловеки, полагали, что все им по плечу.

Я вызвал слугу из родного мира. Надо сообщить, что остаюсь тут, рядом с Есленой. Охранником, приبلудным дворовым псом, что спит в конуре, но перегрызет глотку ради хозяйки.

И пока энергетическое письмо летело сквозь пространство, я отправился к владелице дома Еслены. Я намеревался выкупить любую квартиру, поближе к охотнице. И сторожить ее, днем и ночью.

Другие планы еще не дозрели в голове. Десять свиданий, у меня только десять свиданий. Эта мысль отрезвляла, отгоняя дурман воспоминаний о встрече с Есленой. Охлаждала, ненадолго снимала жар, завладевший нижней половиной тела и головой.

Есле-ена... Мне нравилось перекачивать на языке ее имя, мысленно произносить его, растягивая гласные. Есле-ена-а...

Утренняя дымка медленно, но верно освобождала улицы города. Ночная прохлада схлынула, солнце прогревало воздух и землю.

Взмыли в небо машины – люди спешили по будничным делам. Погасли неоновые вывески – давно в них не было этого газа, а название так и осталось. Высокие ограды вокруг домов под напряжением выпускали смурных горожан на работу, сменить уют жилья на отчужденную атмосферу офисов.

Еслена никуда не торопилась. Надо выяснить – работает ли она. И если да, то где?

Найти адрес домовладелицы оказалось плевым делом – он выделялся жирным шрифтом на всех подъездных объявлениях. Хозяйка стройфирмы торопилась избавиться от остатков квартир, в уже почти целиком заселенном доме.

Что ж... проверим, не растерял ли я совсем обаяние рирров. Еслена поколебала мою уверенность в себе. Может чувства изменили ауру? Но ведь не внешность же! Если только ей по душе малохоленные грации, вроде красавчика в кресле... Тогда я убью его.

Много столетий минуло с тех пор, как я в последний раз убивал человека. Тот был охотником тоже. Самоуверенным, сильным и ловким. Мы кружили в танце смерти, испытывая ни с чем несравнимое удовольствие от каждого пропущенного противником удара. Вздвигаясь от восторга от каждой чужой капли крови. И он уступил мне совсем немного. Но этого «немного» хватило, чтобы оставить на земле обмякшее тело, из которого неспешно уходила жизнь.

Я убью красавчика, если пойму, что Еслена предпочла его. Убью, и если он не прекратит мешаться под ногами. У Еслены может быть только один мужчина. И если это не буду я, не будет никто.

Домовладелица обитала в соседнем с индиго доме.

Он мало чем отличался от остальных. Разве что фасад кричал о показной дороговизне, да клумбы вокруг больше походили на сады. Металл и пластик сменили бетон и кирпич, и здания стали похожими на скульптуры в стиле кубиз-

ма. Наросли этажи – облака садились на небоскребы, чтобы передохнуть в своем вечном пути. Восхищали технологии – теперь здания строились без противовеса, удерживались на месте специфической энергией. Люди звали ее «антигравитацией».

Взлетели к крышам магистрали, мосты, пешеходные тракты, оставив землю дебрям густых лесов, пестрым коврам полей.

Ограда в три человеческих роста, под напряжением, охраняла элитный дом – цель моего путешествия.

Я позвонил в домофон и услышал строгий, осиплый голос:

– Ало?

– Я хочу купить у вас квартиру, желательно, поблизости от квартиры номер 333, – сходу сообщил я.

Замок со звоном открылся, и я прошел во двор, а затем и в подъезд.

Внутри дом не настолько кичился убранством, как снаружи. Замысловатые металлические узоры выпуклыми гирляндами не спускались сверху вниз. Подъезд встретил меня скромной, но подкупающей чистотой.

Лифт дернулся и резво взлетел на сотый этаж. И почему богатые люди так любят забираться поближе к небу?

Я позвонил в одну из двух квартир на этаже – элитные лестничные площадки на большее количество и не рассчитывали.

Дверь отворилась немедленно – хозяйке не терпелось сплавить имущество. Обратить нечто вещественное – квартиры, где можно спрятаться от дождя, выпастся и помыться в виртуальное представление о власти над миром – в местную валюту.

Дородная женщина лет сорока пяти выглядела потасканной и усталой. Круги под глазами, резко очерченные морщинами черты, портили былую привлекательность. Черты у домовладелицы были мелкими, аккуратными. Большие глаза даже без косметики притягивали внимание.

В их темно-карей глубине таились несбыточные мечты о близости, о родственной душе, как и у всех женщин. Одинокие ли, замужние ли, немногие из них лучились неподдельным счастьем. Не изображали его на зависть подружкам, на зло недругам.

И я не без облегчения понял, что домовладелица впечатлена. Никуда не потерялась моя риррская привлекательность. Жаль, Еслене она как рыбке зонтик.

– Я хотел бы купить квартиру рядом с квартирой 333, – повторился я.

Эрмина Валькости пропустила меня в длинную прихожую. Квартира Еслены, втрое меньше площадью, казалась намного уютней, изумительно просторней.

Мебель громоздилась здесь, главенствовала, захватив слишком много пространства.

Три массивных деревянных шкафа завладели доброй по-

ловиной прихожей.

Треногая рогатина – модный нынче интерьерный аксессуар – почти перегородивала дорогу в гостиную.

Я проследовал за хозяйкой в комнату, лишь вчетверо меньше наших королевских бальных залов. Одинокое жилище женщины, с неустроенной личной жизнью заполняла не только мебель. Декоративные вазы, экибаны, амфоры, наподобие древнегреческих сосудов, были повсюду, куда ни кинь взгляд.

Я знал эти признаки душевного сиротства – видел их не раз и не два.

Человеческие мужчины заполняли его работой – пахали как проклятые, а домой возвращались лишь, чтобы спать. Женщины – домашними питомцами или хобби. Непомерное украшение жилища всем, что ни попадя, уборка до больницы санитарии – частые недуги одиноких и богатых дам.

– Прошу, – хозяйка указала мне на великанский диван. Я еле протиснулся между подушками. Четырехугольные звери, шарики с богатым орнаментом, сердечки – диван походил на витрину.

Эрмина устроилась напротив, в кресле, где разместилось бы еще двое женщин ее комплекции, и протянула каталог.

Внезапно эмоции брызнули через край. Вот оно, то, что приблизит меня к Еслене! Куда она денется из собственной квартиры? Я жадно выхватил папку из рук хозяйки. Меня словно вело провидение – рядом с Есленой продавались сра-

зу две квартиры. Одна прямо над охотницей, вторая – по соседству. Поколебавшись, я решил, что встречаться на площадке отличная идея. Я ушел от Еслены меньше часа назад, но уже умудрился соскучиться.

По ее растерянной хрупкости, по вызывающей уверенности. По особой, лишь ей присущей грации. Только Еслена была такой хлесткой и резкой, как кобра в момент атаки, такой гибкой и сильной, как львица на охоте. По тому, как от волнения рвалась из одежды грудь Еслены, и как она на меня смотрела. Как взбудоражено сверкали красно-карие глаза, как приоткрывались сочные губы, от которых пахло мятной сладостью.

Неожиданно и совсем неуместно отозвались воспоминания в моем теле. В паху потяжелело и набухло. Я торопливо прикрылся папкой, сделав вид, что продолжаю изучать ее.

Показывать хозяйке такой огромный бугор на брюках не самая удачная идея. Мало ли что придет ей в голову? Примет за маньяка, вызовет полицию. Тонкий шелк не скрадывал, как нарочно, подчеркивал изменения тела.

Веками орган наливался лишь перед сексом, «запускался» от мыслей о близком пропитании. Я возбуждался по собственной воле и также легко мог охладиться. И вот на тебе! Еслена далеко, в соседнем доме, я лишь думал о ней, вспоминал, смаковал. Расширенные от удивления глаза, припухшие губы – картинка не уходила, перед внутренним взором словно фильм крутился о нашей встрече. А возбудился я то-

гда ужасно.

Тело упорно повторяло новый опыт. Настолько упорно, что вскоре я напрягся от боли, а мягкая материя показалась жестче металла.

Я сгреб в охапку подушку, положил ее на колени и водружил сверху папку, продолжая бездумно листать ее. Я не видел букв, строчки плыли перед глазами, я видел Еслену, и от этого все лишь ухудшалось.

Выручила Эрмина, нарушив паузу предложением.

– Может принести вам воды? Или кофе?

Я ненавидел кофе, но сейчас готов был выпить что угодно, лишь бы протянуть время. Я не смог сформулировать ответ, лишь кивнул, изо всех сил растянув губы в фальшивой улыбке.

Эрмина встала и томно выплыла на кухню – рисовалась передо мной.

Деньги я мог перевести на ее счет в любую секунду, документы оформить дистанционно, в виртуальном пространстве. Главное покинуть квартиру хозяйки, не заработав ярлык маньяка-извращенца. Сейчас у меня были все шансы.

Ни сумок, ни барсеток я не носил. Лишь карточки с виртуальными деньгами в кармане – удобнейшая штука для тех, кто любит гулять налегке. Универсальные мерилა достатка – золото и бриллианты нашего мира –местные банки охотно превращали в деньги.

Когда Эрмина вернулась с кофе, у меня родился един-

ственный вариант.

– Я присмотрел две квартиры, – голос слегка осип, и я прочистил глотку, хлебнув кофе. Какая же отравка! Горькая, вонючая! И как люди пьют ее?

– Могу я взять с собой каталог, деньги пришлю часа через два, по виртуалу. Каталог верну тоже завтра. Что скажете?

На слова «деньги» и «пришлю» хозяйка среагировала, как я и рассчитывал.

Улыбка растянула сухие губы, с глубокими трещинками морщинок. Под глазами отчетливо прорезались «гусиные лапки», провалились прежде едва заметные морщины вокруг рта. И женщина разом постарела, подурнела на много лет.

Вот что делают с людьми деньги! Как ни странно, эти мысли охладили лучше ведра льда. Я взял папку, ловко прикрывая все еще слишком выпуклую часть брюк, встал и поспешил на выход.

Глава 3. Еслена

Растерянность владела мной недолго. Ушел Мейзамир, испарился и флер его обаяния. Как я поддалась? За столетия красавчиков повидала без счету. Но рядом с ним я чувствовала себя словно школьница рядом с парнем, который очень-очень нравится. Смушение жгло щеки и уши, сердце отстукивало сумасшедший чечеточный ритм, сбивалось дыхание. Мысли испарились, остались лишь образы, обрывки эмоций. Его губы, аккуратные, яркие, приоткрытые, пожар на щеках, туманный взбудораженный взгляд, жар мужского тела. Я ощущала его, даже не касаясь красавчика. А когда касалась, мое собственно тело предательски отвечало подобным жаром. Все это мешало судить здраво, лишало самоконтроля, ломало преграды между мной и чужаком. А ведь он даже не человек.

Страх колот сердце, и оно каменело от тяжелого предчувствия. Клубок эмоций закручивался снова – от начала и до конца.

Я знала индиго, что легко и без сомнений сожительствова-
ли с существами из параллельного мира. Давным-давно
они воровали любовь земных женщин, притворяясь людьми.
Уверена, делают это и поныне. Индиго видели их, по энергетике, по едва уловимым чертам, незаметным человеческому глазу. Даже суперсовременные медицинские приборы бес-

сильны отличить ДКН параллельцев от людской, заметить разницу физиологий. А она еще какая!

К провалившейся в небытие ночи Магнолии мы не возвращались. Макс четко задал направление разговора, и мы обсуждали убийства, опираясь на новые сведения.

Информацию о параллельных тварях индиго черпали из записок, оставленных предшественниками. Слабыми, не способными убивать чудовищ, но наблюдательными и скрупулезными. Они с педантизмом одержимых собирали досье на все «параллельные» виды, тщательно и детально описывали все, что узнавали, видели, слышали. Благодаря им мы знали уйму совершенно ненужных, бесполезных вещей. Какого размера орган-губка на небе эмкре, сколько спермы выбрасывает во время оргазма картра. Почему эмкре, если он не встретил возлюбленную, не возбудить никакими изощренными ласками. Хоть догола раздевайся. Захочет есть, работают инстинкты, не захочет – ничего даже не шелохнется.

К чему нам все это? К несчастью, чтобы нарыть хоть что-то полезное, приходилось перечитывать и штудировать все записи древних индиго, окунаться в мир чудовищ с головой. Хотя единственное, что интересовало нас всерьез – как их вычислить, убить и выжить самим.

Мы позвали на помощь Зандру. И пока он собирался, ехал с другого конца страны – последние сто лет такие расстояния стоили нескольких часов на «портальном поезде» – вновь и вновь перечитывали старинные манускрипты.

Благо Макс, с его манией перебрасывать все в виртуал, хранил данные на крошечных носителях, не больше булавочной головки. И раздавал их нам по первому требованию.

Макс гостил у меня часто, и в эти благодатные дни я совсем не заботилась о животе. Балетный готовил постоянно. Умудрялся делать это незаметно, необременительно, и неизменно вовремя. Вроде бы мы вдвоем – я, Макс и Магнолия – читали записи древних индиго, а к часу дня на столе дымились вкуснейшие рыбные котлеты с запеченной картошкой на гарнир.

Магнолия ела, поглядывая на меня и Макса с таким видом, словно знала про нас что-то пикантное до неприличия. Такое случалось с ней регулярно, почти всегда, когда «могучая четверка!» собиралась в моей квартире. Первое время я недоумевала, гадала, заваливала подругу вопросами. Она неизменно увиливала от ответа, лавируя между «да не смотрела я на вас, тебе почудилось» и «это что, допрос?» Выкручивалась как уж на сковородке, и я бросала бесполезную затею, так и не добившись правды.

К ужину приехал Зандра. Тушеные овощи с мясом, свежий салат пришелся ему по нутру. Ключа от моей квартиры у Зандры не было, но открывать метису побежала Магнолия. Сбросив ботинки, он быстро присоединился к нам за столом. Зандра явно собирался в более развлекательное и требовательное к дресс-коду место. Длинные иссиня-черные волосы его были заплетены в замысловатую косу – у меня такая не

выходила никогда. Белая рубашка и брюки из дорогой ткани так и просились на выход в свет.

Переодень Зандру в потасканную джинсовку, распусти и взлохмать волосы –и вот вам индеец из старых российских фильмов. Острые скулы, узкий подбородок, разрез глаз, скрывающий верхние веки – ничего во внешности индиго не говорило о его европейской половине.

– Что-то нарыли? – спросил он, мгновенно запустив ложку в салат.

Макс хмыкнул и медленно повернул голову к товарищу.

– Возьми на кухне тарелку и ешь как нормальный человек, – наставил нерадивого метиса на путь истинный.

Зандра усмехнулся, смачно похрустывая огурцами и луком. Любовь Макса к хорошим манерам всегда его забавляла.

Но из уважения к повару метис устроился «по-человечески».

– Так что вы нарыли? – повторил вопрос, исхитряясь при этом уплетать горячее за обе щеки.

– Ничего, – подсадовала Магнолия. – Ноль. Зеро. Нигде нет ни слова о...

Она оборвалась на полуслове, потому что заголосил дверной звонок. Кто это пожаловал в такое время?

Электронные часы, встроенные в стену, показывали полвосьмого.

Почти все мои друзья собрались здесь, за столом. По вир-

туалу я ничего не заказывала, такси не вызывала, знакомых не приглашала.

Мы переглянулись.

– Кто там? – подойдя к двери, встревоженно поинтересовалась я.

– Простите, если помешал, но я никак не разберусь с магнитным замком. Может, покажете, как эта штука работает?

На голос Мейзамира Макс отреагировал страннее некуда. Его губы недовольно скривились, нос поморщился, словно от злости.

– Какого черта? – выпалил балетный и грациозно обернулся к дверям. Левая рука его с эффектной небрежностью легла на мягкий поручень кресла. Вскинув голову, Макс ждал, пока я отопру замок. Зандра и Магнолия не подняли от записей голов.

Мейзамир стоял за дверью, в белоснежной шелковой двойке, словно только что отутюженной. Я с удивлением наблюдала, как менялась его улыбка, по мере того, как взгляд скользил от меня к гостям. Мгновения сосредоточенности на Максе – и казалось не улыбка на лице красавчика – а звериный оскал. На Магнолии – и губы его дрогнули в непонятном пренебрежении. На Зандре – в улыбке мелькнула хитреца, скрытое любопытство. А когда наши взгляды встретились... губы Мейзамира приоткрылись, краска бросилась ему в лицо – и без того румяные щеки зарделись.

– Так вы поможете мне? – в его голосе появилась то ли

усталая, то ли взволнованная хрипотца.

– Я что-то не понимаю? – растерялась я.

– Ой, простите, – ослепительно заулыбался Мейзамир, словно ему только что оставили в наследство башню золотых слитков – от земли до неба. – Я ваш сосед теперь, купил квартиру рядом.

– И это дает тебе право вваливаться сюда и чего-то просить? – да что же это такое с Максом? Куда делись бархатистые нотки из его голоса, ленивая грация сильного, но очень гибкого существа? Они с Мейзамиром стали так похожи, что я поразилась. Набычились, опустили головы, буравя друг друга тяжелыми взглядами исподлобья.

Макс даже немного привстал, махом растеряв всю свою неповторимую балетную пластику. Передо мной были двое мужчин. Даже не так, два воина. Их мускулы поигрывали под кожей, наливаясь мощью, натягивая одежду, их взгляды сверкали клинками.

Я почувствовала себя рефери на непонятной, и, главное, никому не нужной, драке.

– Да все в порядке, – осадила Макса, сделав нетерпеливый жест рукой. Сиди – вот что означал этот жест. Но балетный, напротив, встал окончательно, расправил плечи, и шагнул к нам навстречу.

Не найдя ничего лучше, я вытолкнула Мейзамира из прихожей – и когда только он успел зайти (?) – и выскочила следом. Не мешкая, ногой захлопнула дверь.

Поздно, с сожалением, обнаружила, что мы с красавчиком совершенно одни, на пустой лестничной площадке. Мейзамир так близко, что его рваное дыхание щекочет мне щеки, а жар крепкого тела почти осязаем.

И я задрожала – едва заметно, словно школьница рядом с тайной симпатией. Мейзамир чуть вздрагивал тоже.

Мы смотрели друг на друга и не могли отдышаться, забыли о том – зачем здесь очутились. Красавчик наклонился, ближе, еще ближе. Приоткрылись его заалевшие губы – чуть более жесткие, мужские, чем у Макса, но от этого не менее красивые. У меня подкосились ноги, сбился пульс, в голове поплыл сладкий дурман. И лишь когда горячее дыхание Мейзамира полилось в рот, я очнулась.

Что я делаю? Зачем? Меня словно околдовали! Или так оно и случилось? Древние индиго в своих трактатах уверяли, что даже самые безобидные параллельцы иногда соблазняют женщин каким-то особым, лишь им одним ведомым способом.

Эти мысли отрезвили меня как ушат ледяной воды. Я уперлась рукой в грудь Мейзамира, совсем как в прошлый раз. Он выдохнул, будто я со всей силы надавила на легкие. Снова я чувствовала, как бешено колотится под пальцами сердце красавчика, каменеют мускулы, закипает кровь.

– Отпустите меня, – постаралась придать голосу как можно больше твердости.

Он словно очнулся, поддался на требования. Отклонился,

наконец-то дав мне вздохнуть посвободней.

— Не надо так на меня наваливаться, — отчеканила я недовольно.

Он помолчал, странно прищурился. Недолгая пауза, и Мейзамир отступил, но только на шаг. Его по-прежнему близкое тело ощутимо дышало жаром.

— Если вы хотите со мной общаться, держитесь расстояния вытянутой руки, — решительность в моем голосе росла, и это придавало все больше сил.

Красавчик удивленно приподнял брови, словно не мог поверить услышанному. Тряхнул головой и отступил еще на пару шагов.

Его взгляд — лихорадочный, почти больной — перескакивал от моей груди к глазам и губам. Кожа на скулах натянута, предельно очертился контур лица.

— Простите мне мою горячность, — осипший голос Мейзамира узнавался с трудом. — Всему виной ваша красота, — ляпнул он затасканную, романтическую пошлость, развел руки в стороны и улыбнулся. И как у красавчика получаются столь обезоруживающие улыбки?

— Так мы теперь соседи? — поторопилась я сменить скользкую тему.

— Да, — он просиял снова и зачем-то шумно глотнул воздуха.

— Что за проблемы с магнитным замком? — сам пришел за помощью, а теперь, казалось, я пытками вытягиваю из Мей-

замира смысл его же, собственной просьбы.

– Это я так, – он нахмурился, шагнул ближе, еще ближе. И не успела я ахнуть, как наши тела почти соприкоснулись. Красавчик наклонился к уху, и пар его дыхания разгорячил шею. От Мейзамира пахнуло свежестью. Словно вдохнула чудесный аромат свежескошенной травы.

– Я видел у вас статью про убийства, – Мейзамир зашептал прерывисто, с сильным придыханием. – Ты же поняла, что я не человек. И я убедительно прошу тебя, не вмешивайся в это дело! Оно опасней, чем вы думаете. Я оттуда же, откуда и эти твари. Они не пощадят вас, просто не умеют, – последнее он сказал в голос, и затих, натужно переводя дух.

Я совершенно потерялась, опешила. Что за дело этому параллельному существу до нас, индиго? Мы не друзья, уж скорее враги. К чему эта непонятная забота? И почему все во мне кричит, что она искренна и неподдельна?

– Да тебе-то что? – проворчала я, прижимаясь к двери спиной. Мейзамир не придвинулся, как прежде, напротив, чуть отклонился и расправил плечи. Румянец схлынул с его щек, но грудь по-прежнему вздымалась мехами.

– Ты ведь не отступишься? – с откровенным разочарованием спросил красавчик.

– Нет, – спокойно ответила я.

– Тогда бери меня с собой, на все ваши вылазки, – он не предлагал, не упрашивал – ставил перед фактом.

– Вот еще что выдумал! – возмущение жаром хлынуло

мне в лицо. – Я тебя знать не знаю! С какой стати мне тебя брать?

– Считай меня дружественным экспертом по самым страшным тварям параллельного мира, – с нажимом, с металлом в голосе выпалил Мейзамир. – Мы тоже не в восторге от того, что древние проснулись и жаждут крови.

– Чтобы драться с кем-то плечом к плечу, общих забот и врагов маловато, – незаметно для себя я заговорила как учитель со школьником, методично втолковывала ему, неразумному, что такое товарищ по оружию. – Я поняла, что ты... хм... не местный. Но что ты за существо? Какой у тебя интерес? Зачем ты меня преследуешь?

На этой фразе он дернулся, отступил назад, снова и снова. И показалось мне – сейчас Мейзамир нырнет в свою дверь, в ту самую, недавно купленную им квартиру. И только я его и видела. Свет белесых подъездных ламп придавал лицу красавчика еще большую бледность. Втянулись щеки, Мейзамир будто резко похудел, осунулся.

Но не ушел. Отступил, врезался спиной в свою новую дверь и замер соляным столбом. Мгновение или больше, по-прежнему лихорадочный взгляд Мейзамира исследовал мое лицо так, словно красавчик впервые его видел. Задержался на губах, подбородке, стрельнул в глаза, и я обалдела от его силы, напора. Не прежние нагловатые смешинки затаились сейчас в уголках прищуренных глаз Мейзамира. Он смотрел сурово, почти жестко, но не злобно, скорее досадливо.

– Да понимаешь ли ты, женщина из параллельного мира, – процедил красавчик сквозь зубы. – Я хочу вас спасти! Эти твари – самое опасное в обоих мирах приключение. Сгинете вы, кому станет легче? Они примутся за других, а потом и за нас. Я предлагаю действовать сообща. Нужно завоевать доверие? Как? Говори!

Он нахмурился, засверлил взглядом.

Вопрос поставил меня в тупик. Доверие – не дорогая безделушка, что презентуется новому соседу по элитному дому. Не орден за особые заслуги. Его бессознательно даришь близким. Тем, с кем не раз попадала в переделки, кто выручал из смертельных приключений, кому без сомнений подставила бы спину... Я искала и не находила ответа, красавчик ждал и все больше каменел. А я все сильнее убеждалась – насколько же отличается он от человека. Макс бы нахмурился, насупился, рассвирепел. Мейзамир стиснул челюсти, и напоминал суровую статую. Лишь уголки губ чуть опустились, да подбородок сильнее выпятился. На сильных эмоциях красавчик становится самим собой – существом из неведомого мира. Слетала наносная человечность, исчезало мнимое сходство со смертным. Реакции, мимика и взгляд – дикий и острый, как лезвие кинжала – выдавали параллельца с головой. Даже человек заметил бы странности.

– Хорошо, – отмахнулся Мейзамир и ноздри его начали раздуваться. – Придумай мне какое-то испытание. Кроме обещанных десяти встреч! Ты дала слово! Принести те-

бе голову параллельского чудовища? Три головы в большом мешке? Выбирай, какую хочешь. Я быстрый, ловкий, долго ждать не заставлю!

Электричество между нами не ушло, напряжение нарастало стремительно. Будто вблизи, почти касаясь друг друга, мы разряжались, а теперь энергия копилась, пока не взорвется.

– Я-а-а... Даже не знаю, – растерялась я окончательно. – Я тебя видела пару раз. Одно дело провести вместе вечер, как и обещала, в клубе, с Магнолией... Другое...

– Драться спиной к спине, – закончил за меня Мезамир – металла в его голосе прибавилось. – Тогда скажи мне вот что, женщина из параллельного мира. Я знаю кто вы. Почему не натравил чудовищ на ваше логово? Почему не привел их сюда для расправы? Это так просто. Накрыть вас, тепленькими? А? Вместо этого я предлагаю помощь. Вы нашли что-нибудь про нападавших? Кто так рвет жертв на клочки? За-чем? Вы узнали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.